

УДК 82'06. 161. 1 + 165. 742 "19"

ИДЕЯ КОЛЛЕКТИВНОГО ЧЕЛОВЕКА В ПУБЛИЦИСТИКЕ М. ГОРЬКОГО 1920-х – 1930-х ГОДОВ

О. Ю. Шум

В статье на материале публицистических произведений М. Горького 1920-х-1930-х годов исследуется идея коллективного человека, занимающая важное место в позднем мировоззрении писателя. Анализируется содержание коллективистских устремлений Горького советского периода.

Ключевые слова: коллектив, чувство коллективизма, воспитание коллективистов, коллективный человек.

Советское литературоведение, канонизировавшее образ Горького, практически не обращало внимания на тот факт, что представления писателя о новой социалистической духовности связаны не только с философией материализма. В частности, не принято было поднимать проблему рецепции писателем некоторых положений идеалистической философии, получивших отражение в его публицистическом творчестве советского периода. «Среди писателей, которые пытались поставить и решить гносеологические и онтологические проблемы, как правило, не называют Горького», — указывает Л. А. Спиридонова в статье «Повесть Горького “Мать” как евангелие новой веры» (2002). «Только в последние годы, — отмечает далее исследовательница, — религиозно-философские мотивы в его творчестве стали привлекать внимание исследователей». По ее мнению, это объясняется тем, что «лишь в период “перестройки” подлинный облик писателя стал проглядывать из-под маски правого марксиста, великого пролетарского писателя и основоположника социалистического реализма» [19: 157].

В конце 1980-х годов появились работы, в которых объективно, с позиций нового подхода рассматривались философские истоки горьковской концепции новой духовности. Одним из первых к исследованию данной проблемы обратился М. Агурский в статье «Великий еретик: Горький как религиозный мыслитель» (1991), позже появились работы С. Семеновой «Мыслительные диапазоны М. Горького» (1999), К. Н. Любутина «Размышления на тему “Максим Горький как философ”» (2002), А. Л. Семеновой «Где бог в этой жизни, где ему место в ней?» (К проблеме нигилизма в окурловских повестях М. Горького) (2004). В ряд исследований, посвященных представлениям Горького о социалистической духовности, следует, по нашему мнению, отнести и те статьи, авторы которых по-новому рассматривают богостроительский период горьковского творчества: работы В. А. Ханова «Христианские мотивы в творчестве М. Горького» (2000), Е. Н. Никитина «Исповедь” М. Горького: Новое прочтение» (2000), А. Л. Семеновой «Влияние эмпириомонистических идей А. Богданова на А. М. Горького» (2000), Л. А. Спиридоновой «Повесть Горького “Мать” как евангелие новой веры» (2002), а также книгу И. А. Есаулова «Мистика

в русской литературе советского периода (Блок, Горький, Есенин, Пастернак)” (2002).

Однако, рассмотрев с позиций нового подхода убеждения Горького богостроительского периода, исследователи практически не касались вопроса об их судьбе в творчестве писателя советского периода. Вместе с тем горьковский гуманистический идеал, который в конце 1900-х годов нашел свое философское обоснование в эмпириомонизме А. А. Богданова, сохранился и в советский период. На это, например, указывает А. Л. Семенова [18]. Представляется актуальным обратиться к публицистике Горького советского периода для того, чтобы ответить на вопрос: как трансформируются коллективистские идеи писателя, в частности идея о дроблении и собирании коллективного опыта, в 1920-е – 1930-е годы.

В советский период чувство коллективизма, товарищества, напоминающее самоотречение, у Горького абсолютизируется. Какое качество характера, например, отмечает революционер Леонид Красин в революционере Камо? “Добрый человек? Нет. Но отличный товарищ. Мое, твое — он не различал. “Наша группа”, “наша партия”, “наше дело”...” [4: 352].

“Моего” и “твоего” нет в самом широком смысле: нет “моей” жизни, нет “твоей” жизни, если враг угрожает “нашей” идее, “нашему” делу, “нашей” стране. В очерках “По Союзу Советов” (1928 – 1929) Горький рассказывает о поступке двух бойцов “погрохраны” в Средней Азии, которые столкнувшись во время ночного патрулирования с басмачами, стреляют “на голос”: “... Один наткнулся на басмачей, схватили они его, и оборониться не успел. Тогда он кричит товарищу: “Стреляй на мой голос!” Тот мигом использовал пачку, одного басмача подранил, другие разбежались <...> А в это время — другого басмачи взяли; он кричит: “Делай, как я!” <...> Тогда — первый начал садить в голос пулю за пулей и тоже положил одного. <...> А ведь на голос стрелять — значило, по товарищу стрелять” [11: 326 – 327]. Речь в данном случае идет не просто о частной дружбе, когда “сам погибай, а товарища выручай”, не об эмоциональном порыве, а о сознательной подчиненности “нашему” делу, смысл которого — “организующая” идея.

Каждая сознательная единица должна понимать, что перед общей великой целью отступает и чувство самосохранения, и чувство личной дружбы, и родственное чувство. По Горькому, это очень важно, поскольку единство цели обуславливает однородность массы при всем индивидуальном разнообразии составляющих ее единиц. Преобразованная масса, по мысли писателя, будет состоять из ярких индивидуальностей, но при этом каждая единица в ней должна “более или менее ясно” сознавать “общую цель рабочего класса и значение своего личного труда” [14: 17]. Отсюда — постоянный в выступлениях Горького 1930-х годов призыв: развивать навыки “к действию коллективному” [16: 517].

По убеждению писателя, воспитывать коллективистов следует с детства и в этом деле нельзя пренебрегать мелочами. Например, в обращении к труженикам Харьковского завода “Серп и молот” (1933) он касается такого, казалось бы, частного вопроса, как назначение детской игрушки. По его мнению, необходимо вести борьбу против “индивидуальной игрушки”, которую следует заменить “групповой игрой” [15: 110]. С одобрением писатель относился к коллективным детским воспи-

тательным учреждениям, а детская колония Макаренко представляет фактически модель идеального общества коллективистов.

Коллективизацию в деревне Горький приветствовал от души. Для него это не просто политико-экономическая реформа советской власти, но средство коренным образом преобразовать крестьянство. По Горькому, это возможность “уничтожить почву, на которой развились все ужасы капитализма” [8:279]. Ведь нельзя не радоваться, считает он, “видя и чувствуя, как перерождается мелкий собственник крестьянин, становясь настоящим общественником, сознательным советским гражданином, бойцом за всемирную правду Ленина и партии верных его учеников” [1:78].

Коллективное единство Горький хотел бы видеть и в столь близкой ему писательской среде. Он специально подчеркивает: “В то время, когда “единоличие” быстро изживается в деревне, — оно все более заметно в среде литераторов” [5:248 – 249]. Конечно, писатель понимает, что любое творчество, в том числе и литературное — в большой степени дело индивидуальное: “Мы, литераторы, работники искусства наиболее индивидуального...” [3:339]. Однако, по мнению Горького, это никак не может служить оправданием индивидуалистических устремлений. “Даже Александр Пушкин — гений, который не имел и не имеет равных ему, — напоминает он, — пытался создать вокруг себя коллектив, опираясь на чувство личной дружбы” [9:527]. Тем более не имеет права на индивидуалистический протест советский литератор, поскольку, по глубокому убеждению Горького, “протестует он в те дни, когда единицы рабочего класса, не щадя себя, воплощают свою энергию в творчестве фактов почти сказочного характера...” [7:48].

По инициативе Горького создаются писательские бригады для коллективной работы над материалом, выходит книга-сборник о Беломорско-Балтийском канале. Как удачный пример коллективного творчества, хотя и не литературного, Горький приводит Кукрыниксы, посвящая им специальную статью, а также творения непрофессиональных литераторов: книгу “Люди Сталинградского тракторного”, у которой тридцать два автора, книгу “База курносых. Пионеры о себе” — коллективную работу тридцати двух пионеров.

Таким образом, в 1930-е годы одна из любимых идей Горького, истоки которой связаны с богостроительством, — идея “собирания” (тотальной коллективизации) человеческих “единиц” является одной из важнейших, поскольку искомый идеал, всемогущий Человек с большой буквы в реальности может воплотиться только в коллективном единстве. Масса обладает бессмертием, она всеильна, ее “нервно-мозговая” энергия в моменты творческого и трудового порыва концентрируется: “десятки миллионов единоличных волей и умов, талантов и способностей” организуются в “единую энергию” [12:478] — и возникает могущественный “коллективный человек”: “Трудовой народ — большой и непобедимый Человек” [13:301].

Горький с восторгом отмечает каждый случай слияния человеческих единиц не просто в коллектив, а как бы в одного правильного человека. Радуют его “пионеры, человек десять”, после ухода которых осталось впечатление “приходил взрослый человек, интересный, веселый, с напряженной жаждой все знать, все понять” [11:272]; восхищение вызывают у писателя “десятки и сотни рабочих” Днепроостроя, образующие “коллективного человека”, который “строит для себя новую жизнь” [11:277].

Сознание значительности общей цели, прочувствованное каждой человеческой единицей массы, порождает единые мысли и единые чувства у всей трудовой массы и возникает та почти мистическая слитность, о которой мечтал Горький времен “Исповеди”. Наблюдая во время поездки по Союзу Советов танец сасунских армян, Горький воспринимает танцующих как единое тело: “Это тело свертывается в круг, в спираль, развертывается в прямую линию, строит разнообразные кривые; идеальность ритма, легкость и плавность построения фигур все более укрепляют чарующую иллюзию единства, слитности. Отдельных танцоров трудно различить, видишь, как перед тобой колеблется ряд красивых лиц, видишь их улыбки, блеск глаз, кажется, что вот их стало больше, а в следующую минуту — меньше; индивидуальные черты каждого отдельного лица почти неуловимы, и все время с вами говорит, улыбается вам как будто одно лицо, — лицо фантастического существа, внутренняя жизнь которого невыразимо богата” [11:240].

Таким же единым телом видится Горькому и вся советская страна, и тогда место “маленького” человека, занятого великой работой, в воображении писателя занимает мистический гигант — Союз Советов — “юный великан” [10:6]: “Союз Советов — огромное тело, сложенное из полтора миллиона единиц, которые, непрерывно вырабатывая, выделяя и укрепляя в жизнь мощную революционную энергию воли и разума своего, создают новые формы государства, новую культуру” [17:385]. Разум этого единого тела, “коллективный разум рабочих и крестьян”, коммунистическая партия. “Рост партии — это рост мозга рабочих и крестьян, рост их разума и рост влияния на пролетариат всего мира” [14:16]. “Юного великана” окружают злобные враги, “мелкие и крупные хищники” “капиталисты Европы, ее паразиты”, по телу его ползают “паразиты” — враги внутренние. Из “среды этих насекомых” выходят, “предатели, изменники, шпионы бывших “хозяев страны”, которых рабоче-крестьянская власть “бьет <...>, как вошь” [2:239]. Презируя врагов, преодолевая трудности, делает великан свою важнейшую, исторически значимую работу: он “живет и работает для того, чтоб разрушить все отжившее, построить на земле новый мир” [10:6].

Этот огромный всесильный коллективный человек, состоящий из миллионов человеческих единиц является, по Горькому, подлинным хозяином страны: “В нашей стране один хозяин, но у него 162 миллиона голов”. Конечно, писатель понимает, что “не весь мозг у этих голов работает в точном и прямом направлении к цели, поставленной пред нами историей и осуществляемой нашей волей”, но ему хочется верить, что “уже миллионы мозгов чувствуют и думают социалистически” [6: 196 – 197].

Таким образом, интересы личности, по глубокому убеждению Горького, есть то, что будет изжито: для него очевидно — “личность становится все более ничтожной, все менее “влияющей и на ход истории”. Горький поддерживает “процесс таяния личности” и, воодушевленный своей мечтой, ставит на ее место “коллективного человека” как реальное воплощение новой духовной общности людей, не замечая, что этот образ иллюзорен: в эмоциональном порыве люди могут на время объединиться, но идеальный коллектив — это абстракция, которая рано или поздно обязательно персонифицируется — либо в фигуре одного человека — вождя, либо в социальной прослойке избранных, действующих во имя и от имени коллектива.

Список литературы

1. Горький М. “Великие дела совершаются в нашей стране...” (Колхозникам села Губцева). Собр. соч. в 30-ти тт. Т. 27. М., 1953. — С. 78 – 81.
2. Горький М. Гуманистам. Собр. соч. в 30-ти тт. Т. 25. М., 1953. — С. 235 – 241.
3. Горький М. Заключительная речь на Первом всесоюзном съезде советских писателей 1 сентября 1934 года. Собр. соч. в 30-ти тт. Т. 27. М., 1953. — С. 337 – 354.
4. Горький М. Камо. Собр. соч. в 18-ти тт. Т. 18. М., 1963. — С. 349 – 356.
5. Горький М. Литературные забавы. Собр. соч. в 30-ти тт. Т. 27. М., 1953. — С. 242 – 276.
6. Горький М. О борьбе с природой. Собр. соч. в 30-ти тт. Т. 26. М., 1953. — С. 186 – 198.
7. Горький М. О литературе и прочем. Собр. соч. в 30-ти тт. Т. 26. М., 1953. — С. 46 – 54.
8. Горький М. О старичках. Собр. соч. в 30-ти тт. Т. 25. М., 1953. — С. 278 – 283.
9. Горький М. О формализме. Собр. соч. в 30-ти тт. Т. 27. М., 1953. — С. 521 – 528.
10. Горький М. Под красными знаменами. Собр. соч. в 30-ти тт. Т. 26. М., 1953 — С. 5 – 10.
11. Горький М. По Союзу Советов. Собр. соч. в 18-ти тт. Т. 11. М. 1963. — С. 220 – 316.
12. Горький М. Предисловие к американскому изданию книги М. Ильина “Горы и люди”. Собр. соч. в 30-ти тт. Т. 27. М., 1953. — С. 478 – 480.
13. Горький М. Предрассудки съедают миллионы пудов сена. Собр. соч. в 30-ти тт. Т. 26. М., 1953. — С. 300 – 303.
14. Горький М. Ударники в литературе. Собр. соч. в 30-ти тт. Т. 26. М., 1953. — С. 16 – 19.
15. Горький М. Харьковскому заводу “Серп и молот”. Собр. соч. в 30-ти тт. Т. 27. М., 1953. — С. 110 – 111.
16. Горький М. Хорошее, полезное дело. Собр. соч. в 30-ти тт. Т. 26. М., 1953. — С. 516 – 517.
17. Горький М. Школе взрослых в Смоленске. Собр. соч. в 30-ти тт. Т. 25. М., 1953. — С. 385 – 392.
18. Семенова А. Л. Влияние эмпириомонистических идей А. Богданова на А. М. Горького // <http://edu.novgorod.ru/fulltext/401/>
19. Спиридонова Л. А. Повесть Горького “Мать” как евангелие новой веры. // Литература, культура и фольклор славянских народов: Материалы конференции. — М. 2002. — С. 157 – 174.

Шум О. Ю. Ідея колективної людини в публіцистиці М. Горького 1920-х – 1930-х років. У статті на матеріалі публіцистичних творів М. Горького 1920-х – 1930-х років досліджується ідея колективної людини, що займає важливе місце у пізньому світогляді письменника. Аналізується зміст колективістських поглядів Горького радянського періоду.

Ключові слова: колектив, почуття колективізму, виховування колективістів, колективна людина.

Shum O. Yu. The idea of collective person in 1920-1930 s' publicistic works by M. Gorky.

In the article the idea of collective person occupying an important place in the late outlook of the writer is investigated on the material of 1920-1930s' publicistic works by M. Gorky. The content of the Soviet period collectivist views of M. Gorky is analyzed.

Key words: collective, feeling of collectivism, education of collectivists, collective person.

Статья поступила в редакцию 18 ноября 2006 г.